

Филология: научные исследования

Оформленная ссылка на статью:

Базаржапова А.Д. Модальные функции «немодальных частиц» в бурятском языке // Филология: научные исследования

Модальные функции «немодальных частиц» в бурятском языке

Базаржапова Алтана Доржиевна

ORCID: [0000-0003-3292-6839](https://orcid.org/0000-0003-3292-6839)

аспирант; Отдел языкознания; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
стажер-исследователь; Отдел языкознания; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

670047, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Октябрьский р-н, ул. Сахьяновой, д. 6

✉ dorjaltan@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2026.7.80387

EDN:

CIQJMC

Дата направления статьи в редакцию:

04-06-2026

Аннотация: В статье впервые комплексно рассматриваются модальные функции вопросительной частицы ГҮ, отрицательных ҮГЫ / -ГҮЙ, БЭШЭ и частиц личного притяжания -М(НИ), -МНАЙ, -ШНИ, -ТНАЙ, -НЬ. Внимание сосредоточено на употреблении (в том числе в составе ряда грамматических конструкций), в которых у данных единиц реализуются значения, выходящие за пределы их исходной вопросительной, отрицательной или посессивной семантики. Автор подробно рассматривает механизм формирования у указанных «немодальных частиц» различных модальных значений в зависимости от прагматической установки говорящего и взаимодействия частиц с другими компонентами высказывания. Материалом для исследования послужили контексты, взятые из бурятоязычных корпусов и словарей бурятского языка, а также смоделированные примеры для уточнения семантических различий между грамматически идентичными высказываниями. Методология исследования включает функционально-семантический, дискурсивный, компонентный и сравнительный анализ, обеспечивающий комплексное описание материала. В результате анализа выявлено, что комплексы частиц ГҮ ДАА, АА ГҮ в утверждениях функционируют как маркеры эпистемической оценки – предположения, сомнения; ҮГЫ / -ГҮЙ употребляется в побуждениях и вопросах как усилительная частица; БЭШЭ, следуя за причастием буд. вр. на -ХАЗ, выражает деонтическую или онтологическую невозможность; комплекс БЭШЭ ГҮ маркирует предположение или уверенное

утверждение, часто служащее для воздействия на адресата; сочетание БЭШЭ ААЛ употребляется таким же образом, но утверждение с БЭШЭ ААЛ менее категоричное; частицы личного притяжания, присоединяясь к предикату-причастию буд. вр., передают такие модальные значения, как необходимость, неизбежность чего-либо, уверенное предположение и др. Новизна исследования состоит в том, что объясняется механизм возникновения этих модальных значений, дополняются сведения о «немодальных частицах», выявляется ряд типологически значимых функциональных параллелей с русским, монгольским и английским языками. Результаты работы могут быть использованы в учебной, переводческой и лексикографической практике, в обучении языковых моделей.

Ключевые слова:

модальность, субъективная модальность, частицы, заключительные частицы, бурятский язык, грамматические конструкции, грамматикализация, семантика, прагматика, дискурс

1. Введение

В монгольских языках широко представлен класс частиц — служебных слов, выражающих различные формально-грамматические и коммуникативно-модальные значения. Большинство научных работ по этой теме сосредоточено прежде всего на **модальных частицах** (см., напр. [\[1, 2, 3, 4\]](#)), поскольку они занимают важное место в системе модальности монгольских языков, обладая способностью компактно передавать тонкие оттенки субъективного отношения говорящего [\[5, с. 230–239\]](#). В общем виде под модальными частицами понимают несамостоятельные неизменяемые единицы, привносящие в высказывание дополнительные значения модального характера.

Набор этих значений определяется исходя из конкретного языкового материала и подхода к понятию «модальное значение». В целом же «сущность и объем категории модальности в общем языкознании трактуются по-разному и во многом противоречиво» [\[6, с. 25\]](#). К примеру, в сфере русского языка, согласно академической грамматике 1980 г. [\[7, с. 726–728\]](#), модальными признаются 1) частицы, акцентирующие сообщение или какую-то его часть, выражающие эмоциональные реакции говорящего, его отношение к сообщаемому — *а, ведь, же* и др.; 2) частицы, выражающие волевою направленность — *дай-ка, давай* и др.; 3) частицы, устанавливающие разнообразные связи сообщения с действительностью (связывание с известным, (не)соответствие ожидаемому и др.) — *вот тебе, мол* и др. Иными словами, в русском языке модальными признаются частицы, выражающие и субъективную (отношение говорящего к ситуации), и объективную (статус ситуации по отношению к реальному миру) модальность. Однако в рамках других языков имеет место другой подход: к модальным частицам приравнены только единицы с субъективно-модальной семантикой. К примеру, такое определение дается в грамматике бурятского языка 1962 г.: модальными называют «частицы, которые придают всему высказыванию различные оттенки субъективного характера. Говорящий, употребляя эти частицы, выражает свое отношение к фактам действительности» [\[8, с. 321\]](#).

Так или иначе модальные частицы в монгольских языках отграничиваются от других подгрупп, которые объединяются в настоящей статье под термином «**немодальные частицы**». Подразумеваются **отрицательные, вопросительные, лично-предикативные** и **лично-притяжательные** частицы. Все они также становились

предметом специальных исследований (см., напр., [9, 10, 11]), но описание этих единиц остается неполным. В частности, подробно не изучены нетипичные случаи функционирования данных лексем, когда у них возникает яркая модальная семантика, не позволяющая рассматривать эти единицы только лишь как «вопросительные», «отрицательные» и т. д. **Цель** настоящего исследования — выполнить комплексный анализ периферийных употреблений «немодальных частиц» в разнообразных модальных функциях. В частности, **предметом** исследования являются модальные значения вопросительной частицы *гү*, отрицательных *үгү* / *-гү* и *бэшэ*, а также лично-притяжательных частиц *-м(ни)*, *-мнай*, *-шни*, *-тнай*, *-нь*. **Актуальность** работы обусловлена отсутствием системного описания модальных значений «немодальных частиц» в бурятском языке. Изучение этого вопроса позволяет углубить представления о средствах выражения модальности в этом языке.

В работе применяются **методы** функционально-семантического, дискурсивного, компонентного и сравнительного анализа. **Материалом** для него послужили контексты из художественной литературы, взятые из Корпуса бурятского языка (КБЯ) (https://buriat.web-corpora.net/buriat_corpus/search) и Параллельного бурятско-русского корпуса (ПБРК) в составе Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/search?search=CgkyBwgFEgNidWE%253D>), а также примеры, смоделированные автором или взятые из словарей [12, 13]. Поиск материала в корпусах проводился путем заполнения карточек «Слово № 1», «Слово № 2» и через полнотекстовый поиск, если те или иные единицы не размечены в корпусе.

2. Модальные функции вопросительной частицы *гү*

Основное значение частицы *гү* состоит в выражении общего вопроса, напр.:

(1) *Хэшээл эхилээ. — Хэшээл эхилээ гү?*

‘Урок начался. — Урок начался?’

Согласно словарю Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова, в составе эмоционально окрашенных вопросов частица *гү* может функционировать как «модальная частица для выражения опасения, недоумения и порицания, а также предположительности высказывания» [12а, с. 229], ср.:

(2) *Үбһэ гэшхэнэгүй гү?* [там же]

‘Не топчут ли сено?’ (сено, которое заготовлено в пищу для скота)

(3) *Иимэ эртэ гү!* [там же]

‘В такую рань!’

Наблюдение про специфическую коммуникативную направленность высказываний (2)–(3) справедливо, однако думается, что корректнее рассматривать в них частицу *гү* также в качестве вопросительной, а не модальной, т. к. в этих примерах *гү* продолжает выполнять роль грамматического показателя вопроса, а модальная семантика выражается, скорее, за счет нужной интонации.

Стоит оговориться, что все же формально *гү* можно назвать модальной частицей, если исходить из концепции трех основных видов модальности [14], согласно которой, помимо объективной и субъективной, выделяется модальность иллокутивная. Она подразумевает

традиционное противопоставление высказываний по цели: повествовательные, побудительные, вопросительные. Частица *гү*, таким образом, входит в сферу вопросительной иллокутивной модальности. Однако такой подход не распространен в исследованиях бурятского языка, и определение частицы *гү* как маркера вопросительной иллокутивной модальности не отражает в полной мере особенности ее функционирования, поскольку фиксируются употребления частицы *гү*, в которых она реализует модальную семантику, отличную от выражения вопроса. Далее анализируются такие употребления *гү* в составе комплексов частиц *гү даа* и *аа гү*.

2.1. Комплекс *гү даа* в утверждениях

В Толковом словаре бурятского языка в статье о частице *гү* указано, что она может использоваться «для выражения согласия с оттенком сомнения» [13а, с. 498], и для иллюстрации приведен следующий пример с четырьмя частицами:

(4) *Тиимэшье юм гү даа* [там же].

‘Да так и есть, **наверное / вероятно / кажется**’.

Частица *-шье* служит для выделения предшествующего слова (‘так’), а в отношении остальных частиц важно прояснить, какую роль играет каждая в выражении модальности сомнения, ср.:

(5) *Тиимэ гү?*

‘Это так?’

(6) *Тиимэ даа!*

‘Это так!’

(7а) *Тиимэ гү даа?!*

‘Это так (**что ли**)?’

(7б) *Тиимэ гү даа.*

‘**Наверное / Кажется / Пожалуй**, это так’.

(8) *Тиимэ юм.*

‘Это так’.

(9) *Тиимэ юм гү?*

‘Это (**ведь / же**) так?’

Частица *гү* в одиночном употреблении выражает нейтральный вопрос (5). Частицы *даа* и *юм*, традиционно определяемые как утвердительные, функционируют в (6) (8) согласно этой характеристике, но могут употребляться в вопросах (7а), (9) для увеличения их иллокутивной силы и экспрессивности. В итоге именно в **семантическом взаимодействии частиц *гү* и *даа*** (7б) **возникает значение сомнения и предположительности**. Это взаимодействие можно попробовать описать следующим образом на материале Корпуса бурятского языка:

(10) *Эжыншни бээн гэмгүй, хүнгэн зандаа **гү даа**?* (КБЯ)

‘В добром **ли** здравии твоя мама?’

(11) *Би хэдышье үнээдые хаагаад байһан хүнби... — Нээрээшье, тиимэ **гү даа**?* (КБЯ)

‘Я подоил несколько коров... — И впрямь / Действительно, (**да**) **неужто** так?’

(12) *Тэрэ хамарһаа гараа абанагүй: шуһаниинь тогтоногүй **гү даа*** (КБЯ).

‘Он не убирает руку от носа: **по-видимому** / **похоже** / **видно**, кровь не перестает течь’.

(13) *Эдэшни бирдаанхаар буудаа **гү даа** <...> һомоной ходо гараһан нүхэн үгы* (КБЯ).

‘Эти, **по-видимому** / **похоже** / **видно**, стреляли из берданки <...> Нет отверстия, откуда бы пуля вышла насквозь’, — осматривая тела убитых, герой предполагает, что по ним стреляли из определенного оружия, мощность которого недостаточна, чтобы пробить тело насквозь.

В примерах (10)–(11), представляющих собой эмоционально окрашенные вопросы, каждый компонент комплекса *гү даа* играет свою основную роль — маркирование вопросительности и усиление этого коммуникативного посыла соответственно. В (12)–(13), как и в (76), изменяется коммуникативное намерение, *гү* утрачивает функцию оформления вопросительного речевого акта, но сохраняет связанный с вопросительностью эпистемический компонент — маркирование пропозиции как проблематичной, открытой для проверки. Частица *даа* задает высказыванию утвердительную иллокутивную рамку или, иными словами, переводит эту проблематизированную пропозицию в сферу утверждения. В результате возникает гибридное значение: говорящий не спрашивает о ситуации («Верно ли, что Р?»), но и не констатирует ее, выражая лишь уверенное предположение, что ситуация истинна, или готовность ее принять («Пожалуй, что Р»). Таким образом, комплекс *гү даа* получает другую функцию — выражение модальности предположения в утвердительных высказываниях.

Переводческая практика показывает семантическую смежность этих употреблений. В Параллельном бурятско-русском корпусе, состоящем на данный момент из русских переводов шести известных бурятских произведений и бурятского перевода Д. Чернинова пушкинской «Капитанской дочки», обнаружено вопросительное употребление *гү даа*, которое на русский язык переведено утверждением:

(14) *Үнээдэйнгээ хорёо соо ябаһан үнээшэн һамгад тэрэниие хараад: «**Нөөхи баарма, Дугар, баһа хужартаа гүйлгэжэ ошобо гээшэ гү даа**?»* = Женщины-доярки, увидев проехавшего мимо верхового, заговорили меж собой: — **Никак, этот Дугар опять поехал на свои солонцы** (ПБРК).

Дословно: ‘(Видно / Неужели / Похоже) Этот несчастный Дугар опять поехал на свои солонцы?’.

Вопрос (14) в прагматическом плане близок к утверждению: вероятно, доярки не раз уже видели, как Дугар уезжал на солонцы, и, увидев его снова в пути, более чем уверены, что он опять направился туда. Переводчик раскрыл этот прагматический аспект формально вопросительного высказывания, передав его по-русски как утверждение.

Трансформацию семантики *гү* в определенных контекстах можно сопоставить с изменениями в семантике русской частицы *ли*, которая образует с некоторыми словами

«сочетания со значением сомнения, неуверенности, нерешительности и т. п.» [\[15, с. 181\]](#). В смысловом плане с *гу даа* перекликается сочетание *что ли*, которое в одних контекстах аналогичным образом модифицирует эмоциональную составляющую вопроса, а в утвердительных контекстах выражает сомнение, предположение, догадку. Сходство подкрепляется возможностью использовать сочетания как переводные аналоги, напр.: альтернативный перевод примера (11) — 'И впрямь, **что ли?**'; для (12) — 'Кровь, **что ли**, не перестает течь'.

Стоит добавить, что аналогично бурятской *гу* ведет себя монгольская частица-когнат *уу / үү / юу / юү* в том же сочетании с частицей *даа / дээ / доо / дөө* (в отличие от бурятской *даа*, она имеет регулярные сингармонические алломорфы). Сочетание этих частиц в утверждениях может передавать «оттенок достоверного предположения» [\[16, с. 151\]](#) или «неполную уверенность» [\[17, с. 160\]](#):

(15) монг. *Өрнөх гэв үү дээ.*

'Да, **кажется**, сказали, что это Орнох' [там же].

(16) монг. *Хойт талын шаргал морьтой хүн Лувсгаа юу даа.*

'Позади, на соловой-то лошади, **кажется**, Лувсгаа' [\[16, с. 151\]](#).

2.2. Комплекс *аа гу* в утверждениях

Следующее сочетание с частицей *гу*, имеющее специфическую модальную семантику, — это комплекс *аа гу*, первый элемент которого является грамматикализованной формой причастия прош. вр. от архаичного глагола *аха* (*aqui*) 'быть' [\[18, с. 87\]](#). В словаре Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова частица *аа* описывается как модальная частица, которая в составе комплексов *аа бы* и *аа гу* (*даа*) выражает «предположение, вероятность, сомнение или вопрос, иногда с оттенком опасения, что действие совершится» [12а, с. 20]. В словаре при этом предлагаются разнородные примеры: некоторые них представляют собой вопросы-предположения (17), в которых *гу* остается вопросительным маркером, другие же по коммуникативному посылу являются утверждениями (18), напр.:

(17) *Зүүдэлээгүй хүн аа гүб?!*

'Не видел **ли** я (это) во сне?!' [там же]

(18) *Мэдэнэ гээшэ аа гү.*

'**Кажется**, он знает' [там же].

Подобные примеру (18) утвердительные контексты, в которых *аа гу* выражает модальность неуверенности, приведены в «Грамматике бурят-монгольского языка» Н. Н. Поппе с пометой, что такие употребления характерны для хоринского и агинского говоров (далее даны в современной орфографии):

(19) *Үгы гээшэ аа гү гэжэ һананаб.*

'Я думаю, **как будто** нет' [\[19, с. 264\]](#).

(20) *Тэрэ ябаа аа гү.*

'Как будто он пошел' [там же].

Примечательно, что эти примеры даются в параграфе, озаглавленном «Частица сомнения», под которой подразумевается частица *aa*, т. е. носителем модальной семантики назначается только она, а элемент *гу* ученый рассматривает как «вопросительный суффикс». Однако, как и в случае с *гу даа*, кажется более корректным рассматривать **модальность предположения как содержащуюся именно в комплексе *aa гу***, хотя бы потому что в современном языке *aa* не употребляется самостоятельно, выполняя лишь «функцию строительного материала для других частиц» [18, с. 87]. Их семантика в основном тоже состоит в выражении предположения, но этим не ограничивается. Напр., *aabza* (*aa* + частица предположения *бэээ*) выражает предположение и догадку в утверждениях [13а, с. 29] и формирует «вопрос с оттенком уточнения» [20, с. 242]; частица *aab* (< *aa* + вопрос. частица -*б(э)*), помимо выражения вопроса-предположения, в сочетании с *даа* функционирует как утвердительная частица [12а, с. 20].

Как отмечено в словарной статье выше, особенность комплекса *aa гу* состоит в том, что, помимо эпистемической оценки, он может выражать отрицательную этическую оценку некой нежелательной гипотетической ситуации, т. е. является показателем **апребенсива** — одной из категорий ирреальной и субъективной модальности (подробнее о различных средствах выражения опасения в языках мира см. исследование Н. Р. Добрушиной [21]). Часто такое употребление *aa гу* переводится на русский язык конструкцией *как бы не X*, напр.:

(21) ...энэ шолмошни басаганаймнай тархи толгойень эрьюулжэ, элдэб үнгөөр эльбэдээд, ябадал мұрынь алдуулжа, түбэг түршэг шэрэхэгүй юм ***aa гу гэжэ ханагшаб...*** = ...**как бы не** вскружил голову нашей дочке (ПБРК).

Дословно: 'Я **думаю**, **не** вскружит **ли** этот черт голову нашей дочке, не обворочит ли ее, **не** собьет **ли** ее с пути и **не** причинит ей неприятности'.

Поскольку *aa* не употребляется изолированно в современном языке, сложно однозначно прояснить механизм возникновения рассмотренных значений *aa гу*. Опираясь на происхождение частицы, можно выстроить анализ следующим образом. Вероятно, *aa* играла роль копулы с утвердительной семантикой по аналогии с утвердительными частицами *hэн* (< *aysan*) , *агша* (< *ayči*), которые также являются грамматикализованными причастными формами глагола *aqui*. Частица *гу* трансформирует утверждение с *aa* в вопрос, пропозиция проблематизируется и перемещается из сферы истинного в область возможного и нуждающегося в проверке («Действительно ли Р?»). Как и в случае с *гу даа*, в некоторых контекстах установка на получение ответа исчезает («Вероятно, что Р»), в таких случаях *aa гу* осмысливается как маркер модальности предположения в утвердительном высказывании. Иногда добавляется дополнительное значение: возможная ситуация маркируется как нежелательная («Может быть, что Р, и я этого опасаюсь»).

Завершая анализ комплексов *гу даа* и *aa гу*, нужно констатировать, что *гу* способна участвовать в выражении модальных значений, выходящих за пределы собственно вопросительности. Подобной многозначностью обладают и рассматриваемые далее отрицательные частицы, функциональный потенциал которых также не исчерпывается их традиционным определением как маркеров негации.

3. Модальные функции отрицательных частиц *угы* / *-гүй* и *бэшэ*

Согласно академической грамматике бурятского языка [8, с. 320–321], единицы *угы* / *-гүй* и *бэшэ* характеризуются как частицы отрицания, но такое определение проблематично по разным причинам. Лексема *угы*, имеющая в некоторых контекстах лексическое значение и способная употребляться изолированно и изменяться по падежам, может рассматриваться как знаменательная часть речи [19, с. 262]. *-Гүй* может оцениваться не как алломорф *угы*, а производный от нее элемент [18, с. 66]. Лексема *бэшэ* также демонстрирует свойства, не характерные для прототипической частицы, и иногда определяется как послелог [12а, с. 175–176]. Дальнейший анализ отталкивается от условного определения *угы* / *-гүй*, *бэшэ* как отрицательных частиц и сфокусирован на их вторичных модальных значениях.

3.1. *Угы* как усилительная частица

Основное значение частицы *угы* / *-гүй* состоит в выражении отсутствия объектов и в отрицании действия, напр.:

(22) *Наран угы.*

‘Нет солнца’.

(23) *нарагуй үдэр*

‘бессолнечный день’

(24) *Ерээ угы / Ерээгүй*

‘Не пришел’.

В словаре Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова, а также в Толковом словаре бурятского языка фиксируется одно периферийное модальное значение этой единицы: в сочетании «с предыдущей (редко с последующей) глагольной формой обращения или с некоторыми повелительными формами» [126, с. 322] *угы* увеличивает иллокутивную силу побуждения и делает его более эмоционально окрашенным. В качестве переводных аналогов для *угы* приводятся русские частицы *же* и *ну*, а в Толковом словаре бурятского языка как контекстуальный синоним дается единица наречного происхождения *саашаа* / *саашань* [136, с. 691]. В обоих словарях не уточняется, с какими именно формами повелительного наклонения сочетается *угы* в данном значении. В примерах (они в обоих источниках почти одинаковы) упоминаются пропозитивная форма 1 л. на *-һуу*² (25), повелительно-пригласительная форма 1 л. мн. ч. на *-я* / *-е* / *-ё* (26), повелительно-просительная форма 2 л. на *-(г)ыш* / *-(г)ыт* (27) и повелительно-желательная форма 3 л. на *-г* (28), напр.:

(25) *Абаһуул угы!*

‘Возьму **же** (я) / **Ну и** возьму!’ [там же]

(26) *Ошоёл угы! = Ошоёл саашань!*

‘Пойдемте **же!**’ [там же]

(27) *Угы, бодыш!*

‘**Ну так** вставай **же!**’ [126, с. 322]

(28) *Орог лэ **үгы!** = Орог лэ саашаа!*

‘Пусть **же** зайдет!’ [136, с. 691]

Обращение к корпусному материалу позволило дополнить сведения об этом модальном употреблении *үгы*. В КБЯ удалось обнаружить 11 примеров такого употребления в конце высказывания, причем все они фиксируются в произведениях Б. Мунгонова. Обнаружен один пример с формой 1 л. мн. ч. на -е (*Хэхэ юумэээ хээл **үгы!*** ‘Сделаем же то, что нужно сделать!’), но подавляющее большинство примеров (9 из 11) включают форму на -(г)ыш / -(г)ыт (*Хамһалсыш **үгы!*** ‘Помоги же’; *Харыш **үгы!*** ‘Посмотри-ка’ и др.). В отличие от других форм императива, она выражает «повеление совершить какое-нибудь действие незамедлительно, безотлагательно, причем в таком повелении оттенки убедительной просьбы, настойчивого увещевания или усиленного понукания являются главными и основными» [8, с. 257]. Таким образом, сочетаемость усилительной *үгы* с императивами на -(г)ыш / -(г)ыт можно объяснить их особой экспрессивностью, которая в сочетании с *үгы* проявляется еще больше.

В одном из этих девяти примеров между повелительной формой и *үгы* употреблена частица *даа*:

(29) *...бү улыш **даа үгы!*** (КБЯ)

‘Ну не плачь **же!**’

Это употребление примечательно в двух аспектах. «Как кажется, *даа* стоит особняком в системе бурятских ЗЧ (заклучительных частиц — А. Б.) как на морфологическом уровне (всегда занимает конечную позицию), так и на синтаксическом и прагматическом уровне: *даа* не является частью предикации предложения» [22, с. 113]. Однако пример (29) показывает, что, во-первых, *даа* уступает финальную позицию модальной *үгы* и, во-вторых, *үгы*, подобно частице *даа*, не входит в предикативную структуру высказывания и модифицирует все высказывание в целом. Второй вывод также подкрепляется примерами из словаря и корпуса, в которых либо *үгы* / -гүй не присоединяется непосредственно к императиву (30), либо фиксируемые словарем формы вовсе отсутствуют (31):

(30) *Ошыш гэнэмгүй!* ‘Иди, говорю **же** я!’ [126, с. 322]

ош-ыш гэн-нэ-м-гүй

идти-IMP.2SG говорить-PRES-1SG-MP

(31) *Хайшаа? — Хайшаа гэжэ юм даа **үгы?*** (КБЯ)

хайшаа | хайшаа гэжэ юм даа үгы

куда | куда QUOT MP MP MP

‘Куда? — Как **же** это куда?’

Таким образом, отрицательную частицу *үгы* следует описывать как способную выступать в качестве модальной, когда она используется в усилительном значении в абсолютном конце высказывания без привязки к конкретным «соседям слева». Модальное значение *үгы* в ее позиции в начале высказывания пока не удалось подробно исследовать, т. к. поиск контекстов вида «*Үгы, ...*» в корпусе выдает прежде всего многочисленные примеры с основным значением этой частицы — ‘Нет, ...’.

Отрицательную *угы* в рассмотренном модальном значении можно соотнести с русской частицей *нет*, которая также нередко играет роль усилительной частицы, а именно «употребляется с целью привлечь внимание собеседника к высказываемой мысли ... *Нет, каков этот фантазер!.. Нет, ты погляди!*» [15, с. 484]. Усилительное значение обеих частиц, по-видимому, возникает из их исходной семантики отрицания через не высказанное, но подразумеваемое возражение против наблюдаемого нежелательного положения вещей. К примеру, в ситуациях из примеров (27)–(29), то лицо, к которому обращено повеление, не встает, не заходит в помещение, продолжает плакать, а говорящий настойчиво запрашивает противоположное. В контексте (31) говорящий удивляется вопросу собеседника, *угы* имплицитно передает несогласие говорящего с уместностью этого вопроса. В таких употреблениях отрицательные *угы* и *нет* переосмысляются как средство эмфазы.

3.2. Конструкция «прич. буд. вр. + бэшэ»

Частица *бэшэ* является маркером констративного отрицания, т. е. выражает отрицание предмета, качества или реже действия и подразумевает наличие другого предмета, качества или действия, которые могут быть обозначены, как в примерах внизу, либо восстанавливаются из контекста:

(32) *Нохой бэшэ, шоно.*

'Не собака, (а) волк'.

(33) *Улаан бэшэ, шара.*

'Не красный, (а) желтый'.

(34) *Ябана бэшэ, хэбтэнэ.*

'Не идет, (а) лежит'.

В словарях [13а, с. 383] [12а, с. 176] фиксируется периферийное значение 'нельзя, не следует, не должно', т. е. модальное значение **отрицания деонтической** (социально одобряемой) **возможности**, возникающее в сочетании *бэшэ* и предшествующего причастия буд. вр. на -ха³:

(35) *Миин байжа сагаа үнгэргэхэ бэшэ.*

'Не следует проводить время зря' [12а, с. 176].

Корпусный материал показывает, что эта конструкция употребляется не только в контексте безличных предложений (35), но и в обобщенно-личных предложениях (36) и в высказываниях с конкретным субъектом (37). Однако в этих случаях конструкция «прич. буд. вр. + бэшэ» выражает не деонтическую, а онтологическую модальность, а именно — **онтологическую** (обусловленную объективными условиями реальности) **невозможность** совершить что-л., напр.:

(36) *Мүнөө хээрэ хонохо бэшэ* (КБЯ).

'Сейчас в степи не *заночуешь* / не заночевать / **невозможно** ночевать' (т. к. нужно где-то добыть пропитание для коня, дрова и проч.).

(37) *Тэрэ пристав ноён хододоо намайе хахижа байха бэшэ* хаям (КБЯ).

‘Не будет / **Не может** же судебный пристав постоянно за мной следить’.

При этом представляет интерес попарное сравнение идентичных по структуре высказываний с *бэшэ* и *-гүй*:

(38a) *Ши минии муу хайе заһахагүйш*.

‘Ты меня **не** изменишь’.

(38б) *Ши минии муу хайе заһаха бэшэш* (КБЯ).

‘**Тебе** меня **не изменить** / Ты **не сможешь** меня изменить’.

(39a) *Хүдэлмэри ехэ — барагдахагүй ха юм*.

‘Работы много — ведь **не** закончится’.

(39б) *Хүдэлмэри ехэ — барагдаха бэшэ ха юм* (КБЯ).

‘Работы много — ей ведь нет конца / **не может** закончиться’.

В то время как примеры с *-гүй* (38a), (39a) просто констатируют, что некоторая ситуация не произойдет, контексты с *бэшэ* (38б), (39б) являются эмоционально более маркированными (прочитывается раздражение, досада и др.) и более категоричными: описанная ситуация не может иметь место в целом. Примечательно, что бурятское причастие буд. вр., которое во многих функциях соответствует русскому инфинитиву и закономерно рассматривается как начальная форма глагола, демонстрирует и в данном случае функциональную параллель: конструкция «прич. буд. вр. + *бэшэ*» соотносится с русской конструкцией с независимым инфинитивом «кому-л. не V-ть», которая также выражает онтологическую модальность невозможности (*Тебе меня не изменить* (38б); *Вам этого не видеть* и т. д.).

Механизм развития модального значения можно описать так. Причастие буд. вр., совмещающее свойства как имени, так и глагола, выступает в контекстах (36), (37), (38б), (39б) синтаксически в качестве глагольной формы, но семантически как именная часть речи: *заһаха* ‘тот / такой, кто поменяет’, *барагдаха* ‘то / такой, что закончится’ и т. п. *Бэшэ* отрицает наличие этих качеств у названных субъектов, вследствие этого отрицается возможность субъектов сделать то, что предписано согласно этим качествам: *Ши минии муу хайе заһаха бэшэш* = ‘Ты не тот, кто меня изменит > кто способен изменить’; *Хүдэлмэри барагдаха бэшэ ха юм* = ‘Работа — это ведь не то, что закончится > что может закончиться’.

Стоит также отметить, что в словарях фиксируется другая конструкция со значением ‘невозможно, нельзя’ — «отглагольная форма на *-маар*⁴ / *-хаар*⁴ + *бэшэ*», напр.: *Газаа гарамаар бэшэ хүйтэн* ‘Такой холод, что невозможно выйти на улицу’; *Танихаар бэшэ болоолта* ‘Вы стали неузнаваемы’ [12a, с. 176]. Однако модальность возможности в таких употреблениях заключена в самих формах на *-маар*⁴ / *-хаар*⁴, это их ядерная семантика (*гарамаар* ‘такой, что можно выйти’, *танихаар* ‘такой, что можно узнать’), в то время как в рассмотренных ранее контекстах модальное значение развивается именно во взаимодействии компонентов.

Кроме этого, нужно прояснить, что другая фиксируемая словарями конструкция «прич. буд. вр. в аблативе + *бэшэ* (+ *аргагүй*)», выражающая невозможность поступить как-то иначе, чем это обозначено в причастии, тоже не является предметом настоящего

исследования. Думается, что здесь функционирует омонимичная (но генетически связанная) лексема *бэшэ* 'другой, иной', напр.: *Зүбшөөхэхөө бэшэ (аргагүй)* 'Только и остается согласиться' [12а, с. 175] = букв. 'Нет **другой возможности**, кроме как согласиться'.

3.3. Комплексы *бэшэ гү* и *бэшэ аал* в утверждениях

Присоединяющееся к предикату сочетание отрицательной частицы *бэшэ* и вопросительной *гү* привносит в высказывание несколько иное значение, чем, казалось бы, близкое по смыслу сочетание *-гүй + гү*, а также интерпретация функции комплекса *бэшэ гү* разнится в зависимости от коммуникативного посыла высказывания, ср.:

(40) *Тэрэ ерээ(гүй) гү?*

'Он (не) пришел?'

(41а) *Тэрэ ерээ бэшэ гү?*

'Разве он **не** пришел? / Он **ведь** / **же** / **кажется** пришел? / Он пришел, **не так ли?**'

(41б) *Тэрэ ерээгүй бэшэ гү?*

'Он **ведь** / **же** / **кажется** не пришел? / Он не пришел, **не так ли?**'

(41в) *Тэрэ ерээ(гүй) бэшэ гү.*

'Он **ведь** / **же** (не) пришел'.

В (40) представлен достаточно нейтральный вопрос, в то время как в двух других вопросах реализуются различные субъективно-модальные значения. В (41а) говорящий исходит из того, что ситуация «Он пришел» истинна, — это было известно ранее или говорящий предполагает, что это так. С удивлением, раздражением или другой эмоцией он обращается к адресату за подтверждением. В (41б) говорящий убежден или предполагает, что истинна уже противоположная пропозиция. При этом в обоих случаях имплицитно выражается установка «Адресат тоже должен это знать или признать». В (41в) эта прагматическая установка сохраняется, но меняется коммуникативный посыл: говорящий не ждет ответа, а высказывает **уверенное утверждение**, подразумевающее согласие адресата или призванное убедить его в чем-то, обратить его внимание на ситуацию. В итоге комплекс *бэшэ гү*, компоненты которого первоначально выполняли свои основные функции (*бэшэ* — отрицание с контрастивным указанием на альтернативу, *гү* — маркер вопроса), начинает употребляться в утвердительных высказываниях как прагматизированная модальная единица, подобно рассмотренным ранее *гү даа* и *аа гү*.

Стоит отметить, что такие высказывания, как (41а–б), формально могут произноситься с вопросительной интонацией и графически оформляться как вопрос, но нередко по сути представляют собой утверждения, напр.: *Он не пришел, не так ли? Тогда незачем тратить на него время.* Так описывает это явление Н. Н. Поппе: «отрицательно-вопросительное имя ... *beşədu* ... употребляется при именах и изъявительных формах глагола в качестве вопроса в тех случаях, когда в форме вопроса высказывается категорическое положительное утверждение, напр.: *hain beşədu* 'разве не хорошо?' (= 'хорошо ведь!')» [19, с. 262]. Аналогичное **риторическое** употребление фиксируется в старописьменном монгольском языке: комплексы *bisiü* / *bišüü* / *busu uu* формируют

высказывания с установкой «Certainly you know. Do you not?» [23, с. 173] — 'Ты определенно знаешь, что Р, не так ли?'.
 Определяется как вопросительная или модальная: она выражает вопрос с оттенком

Стоит отметить, что комплекс *бэшэ гү* функционально и отчасти структурно близок к английским **tag questions** (разделительным вопросам), напр.: *He came, **didn't he?*** 'Он пришел, **не так ли?**'. Английские «вопросы с хвостиком», грамматические и семантические особенности которых хорошо изучены в работах разных лет (см., напр., [24, 25]), в общем виде представляют собой утвердительные высказывания с присоединенной вопросительной конструкцией, которая грамматически соотносится с основной пропозицией и служит не только для запроса информации, но и для выражения эмоциональной реакции по поводу ситуации, вовлечения адресата в разговор и проч. Подробное сравнение функций комплекса *бэшэ гү* и английских разделительных вопросов заслуживает отдельного исследования, которое здесь не предпринимается ввиду ограничений объема статьи.

Бэшэ гү часто встречается в таких высказываниях, как (41в), которые интонационно и графически оформляются как утверждения: в КБЯ число утвердительных употреблений *бэшэ гү* составляет 20 % (242 из 1202). Высокая употребительность и возникающее как следствие тесное просодическое единство этого комплекса способствовало образованию его нового графического варианта — *бшуу* (реже *шуу*). Однако в словарях и научной литературе эта единица традиционно рассматривается как отдельная модальная частица, выражающая уверенное утверждение:

(42) *Мүнөө жэл үбһэн ехэ байха **бшуу**.*

'Сена **ведь** много будет в этом году' [12а, с. 169]

(43) *Газаа угаа хүйтэн **шуу!***

'А на дворе-то **ведь** холодно!' [12б, с. 623]

В монографии Г. Д. Будаевой, где дается краткая характеристика более чем 160 вариантам бурятских частиц и их комбинаций, все три единицы описаны по-разному: «*бшуу* — предположительно-утвердительная <...> *бэшэ гү* — отрицательно-вопросительная <...> *шуу* — утвердительная» [18, с. 109–113]. Тем не менее нужно понимать, что *бшуу* и *шуу* — это отраженные на письме следствия грамматикализации исходного комплекса *бэшэ гү* в утверждениях. Думается, что утвердительное *бэшэ гү*, *бшуу* и *шуу* должны рассматриваться как варианты одной единицы, отличающиеся степенью формальной слитности.

Стоит добавить, что одна из самых употребительных модальных частиц в монгольском языке — *шуу* — также восходит к сочетанию отрицательной *биш* и вопросительной *үү*. Сейчас семантика *шуу* настолько широка, что иногда эту лексему описывают как копулу. В своем исследовании А. Шимунк [21] рассматривает разнообразные функции *шуу* (усиление достоверности высказывания, напоминание, выражение предупреждения, протеста, раздражения и мн. др.) и заключает, что большинство учебных материалов не раскрывает динамичность и многоплановость семантики *шуу*. Сравнение функций бурятской (*б*)*шуу* / *бэшэ гү* и монгольской *шуу* представляется перспективным направлением дальнейшего исследования.

Подобным образом, как и в случае с *бэшэ гү*, семантика *бэшэ* развивается в составе комплекса *бэшэ аал*. Частица *аал* (восходит к ранее рассмотренной частице *аа*) определяется как вопросительная или модальная: она выражает вопрос с оттенком

сомнения [\[18, с. 90\]](#) или риторический вопрос [\[26, с. 119\]](#), но также может приносить модальность предположения в утвердительные высказывания [12а, с. 21]. Ср.:

(44а) *Тэрэ ерээ(гүй) аал?*

‘**Неужели** / **Разве** он (не) пришел?’

(44б) *Тэрэ ерээ(гүй) аал.*

‘Он, **кажется** / **пожалуй** / **вроде**, (не) пришел’.

(45а) *Тэрэ ерээ бэшэ аал?*

‘**Разве** он **не** пришел? / Он **вроде бы** пришел? / Он пришел, **не так ли?**’

(45б) *Тэрэ ерээгүй бэшэ аал?*

‘Он **ведь** не пришел? / Он не пришел, **не так ли?**’

(45в) *Тэрэ ерээ(гүй) бэшэ аал.*

‘Он **ведь** (не) пришел / Он, **кажется** / **пожалуй**, (не) пришел’.

В отличие от одиночного употребления частицы *аал*, которая в вопросах (44а) выражает удивление, сомнение или недоверие, а в утверждениях — предположительность (44б), комплекс *бэшэ аал* задает констративную рамку и маркирует пропозицию как предполагаемо истинную, но нуждающуюся в подтверждении от адресата (45а–б). Может быть так, что говорящий не ожидает ответа, — тогда вопрос с *бэшэ аал*, как и в случае с *бэшэ гү*, обретает риторический характер и применяется для воздействия на собеседника, напр.: *Разве он не пришел к тебе тогда за советом? Значит цени его доверие*. Такой вопрос приравнивается к утверждению, и *бэшэ аал* действительно начинает функционировать в утвердительных высказываниях как маркер эпистемической модальности (45в). В синонимичных комплексах *бэшэ аал* и *бэшэ гү*, однако, можно усмотреть небольшое различие: *бэшэ гү* / (б)шуу маркирует бóльшую уверенность говорящего, а *бэшэ аал* выражает **более мягкое утверждение** с оттенком **сомнения**.

Суммируя наблюдения, нужно констатировать, что частицы *үгы* / -гүй и *бэшэ* демонстрируют способность в определенных контекстах (в том числе в сочетании с другой «немодальной» частицей *гү*) выходить за пределы собственно отрицательной семантики и вовлекаются в сферу субъективной модальности.

4. Модальные функции лично-притяжательных частиц при сказуемом-причастии буд. вр.

Наконец, у еще одной группы «немодальных частиц» — частиц личного притяжания — возникают вторичные модальные значения, когда эти частицы присоединяются к причастию буд. вр., выступающему в роли предиката. Эти значения описаны достаточно подробно. Если формы с лично-предикативными частицами в той же синтаксической роли выражают общую отнесенность ситуации к будущему (*Ябахаб* ‘Пойду’, *Ябахаш* ‘Пойдешь’ и т. д.), то формы с посессивными частицами привязаны к ближайшему будущему и имеют дополнительную коннотацию: **неизбежность** или **необходимость** [\[26, с. 118\]](#), **намерение** совершить обозначенное действие или **уверенность**, что оно совершится в ближайшее время [\[8, с. 271–272\]](#). В исследовании Я. Ямакоши [\[11, с. 43–44\]](#) на материале шэнэхэнского

диалекта бурятского языка обнаруживается следующее семантическое распределение: предикаты, выраженные причастием буд. вр. с притяжательными частицами 1 л. и 2 л., обычно маркируют деонтическую модальность, в частности **-м(ни)** — **долженствование**, **-мнай** — **призыв к совместному действию** (гортатив), **-шни**, **-тнай** — **просьбу**; посессивная частица 3 л. **-нь** передает эпистемическую возможность, а именно — **уверенное предположение**.

Эти наблюдения в целом подтверждаются материалом настоящего исследования, но строгая привязка форм к конкретному модальному значению не обнаруживается, а также значения могут комбинироваться. Так, форма **-ха³ + м(ни)** передает как деонтическую необходимость (46а), так и просто намерение (46б), но оно также может быть связано с непроговоренным обязательством:

(46а) *Зай, би **ябахамни**, намайе хүнүүд хүлээжэ байгаа ёһотой...* (КБЯ).

‘Ладно, я **пойду** (= **мне надо идти**), меня, должно быть, заждались’.

(46б) *Бишни **ябахамни**... Амархамни...* (КБЯ).

‘Я, **пожалуй, пойду**... Отдохну (= **хочу пойти**, в т. ч. потому что **мне надо** отдохнуть)’.

Кроме приглашения к совместному действию (47а), часто выражающееся именно в форме вопроса, форма **-ха³ + мнай** может передавать значение долженствования (47б) и намерения (47в):

(47а) *Сугтаа **ябахамнай** гү?* (КБЯ)

‘(Давайте) **пойдем** вместе?’

(47б) *Бидэ **ябахамнай**. Гэртэмнай хүлээжэ байна ёһотой* (КБЯ).

‘Мы **пойдем** (= **нам надо идти**). Нас должны ждать дома’.

(47в) *Бидэ гэр бүлөөрөө Хойто-Байгалай аймаг **ябахамнай*** (КБЯ).

‘Мы семьей **едем** (= **хотим / собираемся поехать**) в Северо-Байкальский район’.

Формы **-ха³ + шни / тнай** передают необходимость, неизбежность ситуации (48а), уверенное предположение о том, что адресат совершит действие (48б), и изредка маркирует повеление (48в):

(48а) *Мүнөө **шимни** эсэгэтээ хамта **ябахашни** ха юм даа. Хэзээ нэгэтэ бидэ хоёр харалсаха гээшэ гүбди, али үгы гү...* (КБЯ)

‘Теперь ты ведь **будешь** (= **тебе предстоит быть**) вместе с отцом. Встретимся ли мы когда-нибудь или нет...’

(48б) *Иихэдээ **ябахашни** бы даа?* (КБЯ)

‘Значит, ты **уезжаешь?** (= **намерена уехать?**)’ — спрашивает герой у героини, увидев собранные вещи.

(48в) *...тамын оёорто **ошохотнай**, тамын оёорто ошогты!* (КБЯ)

‘**Отправляйтесь** в ад, отправляйтесь в ад!’

Форма **-ха³ + нь** подразумевает, что действие неизбежно совершится в ближайшее

время (49а) (в том числе по намерению субъекта (49б)) или говорящий с уверенностью это предполагает (49в):

(49а) *Түргэлыт, **ябахань** лэ!* (КБЯ)

‘Поторопитесь, он(а) ведь сейчас **уйдет!**’

(49б) *Хэзээ баруулжаа **ябахань** ааб?* (КБЯ)

Когда же они **уезжают** (= **намерены уехать**) на запад?

(49в) *Бороо **орохонь**, түргэлэе* (КБЯ).

‘Дождь (**сейчас**) **пойдет** (я вижу тучи), поспешим’.

Объяснить механизм возникновения этих значений довольно сложно. Как условие для развития модальной семантики Ямакоши предлагает рассматривать процесс т. н. реноминализации [11, с. 43–44]. Бурятское причастие буд. вр. примечательно тем, что, обладая именными свойствами, способно функционировать в роли обычной финитной формы. Присоединение к нему маркеров личного притяжания, употребляющихся прежде всего с именными частями речи, маркирует его как именной предикат, а, по убеждению ученого, такой предикат, в отличие от глагольного, часто связан с выражением оценки. Для сравнения исследователь приводит монгольские модальные конструкции с именным сказуемым: *V-х хэрэгтэй* ‘нужно сделать что-л.’, *V-х ёстой* ‘следует сделать что-л.’ и др. Развивая идею Ямакоши, можно предположить, что именная предикация благоприятна для модальности, т. к. она не просто констатирует ситуацию, а преподносит ее как положение дел, соотнесенное через частицу притяжания с определенным субъектом и подлежащее оценке: я сделаю > мое предстоящее действие > действие необходимое, желаемое, вероятное.

5. Заключение

Настоящее исследование представляет собой попытку системного анализа модальных значений бурятских «немодальных частиц» и демонстрирует, что функциональный потенциал этих единиц существенно шире их традиционной характеристики как вопросительных, отрицательных или лично-притяжательных. Эти частицы могут выходить за пределы своей основной семантики и активно вовлекаются в сферу субъективной модальности. Модальные значения возникают в результате развития исходной семантики этих частиц и взаимодействия их значений в комплексах в тесной связи с прагматической установкой говорящего. Часть модальных значений уже описана в словарях и научной литературе, но проведенное исследование позволило обозначить механизмы возникновения модальных функций у «немодальных частиц», прояснить особенности их употребления.

Так, **вопросительная частица гү** в составе комплексов **гү даа** и **аа гү** переосмысливается в утвердительных высказываниях как маркер эпистемической оценки, маркируя предположение, сомнение, неуверенную констатацию. Модальное значение развивается из взаимодействия вопросительной семантики **гү**, проблематизирующей пропозицию, с утвердительным компонентом комплекса, а также в результате ослабления установки говорящего на получение ответа. В случае с **аа гү** предполагаемая ситуация дополнительно маркируется как нежелательная, **аа гү** обретает статус показателя апрехенсива.

Отрицательная частица *угы* / *-гүй* способна выступать как усилительная частица, придающая эмоциональную окрашенность побудительным и вопросительным высказываниям. Это модальное значение развивается из имплицитного несогласия говорящего с текущим положением дел: в побуждениях он как бы отвергает нежелательную ситуацию и настойчиво побуждает адресата к реализации противоположной, а в вопросах *угы* может косвенно передавать несогласие говорящего с уместностью предшествующей реплики собеседника и эмоциональную реакцию на нее — недоумение или возмущение.

Частица контрастивного отрицания *бэшэ* демонстрирует несколько вариантов модального переосмысления. В конструкции «**причастие буд. вр. + *бэшэ***», употребленной в предикате безличного предложения, реализуется значение деонтической невозможности или недопустимости ('не следует'). В предложениях других типов та же конструкция передает онтологическую невозможность ('невозможно, не суждено'). Это значение развивается на основе того, что *бэшэ* отрицает у субъекта наличие признака по действию, выраженному в причастии, и это переосмысливается как отрицание его способности и возможности совершить это действие.

Комплексы *бэшэ гү*, *бэшэ аал* прагматизируются по тому же общему принципу, что и *гү даа*, *аа гү*. Исходная вопросительная семантика высказываний с *бэшэ гү* и *бэшэ аал* ослабляется, эти высказывания трансформируются в утверждения с дополнительным оценочным компонентом. Однако если *гү даа* и *аа гү* прежде всего проблематизируют пропозицию и переводят ее в сферу предположения ('кажется, похоже'), то *бэшэ гү* и *бэшэ аал* апеллируют к очевидности факта, знанию адресата и формируют значение ожидаемо разделяемого утверждения ('ведь, пожалуй; не так ли?') — более уверенного в *бэшэ гү* и более смягченного в *бэшэ аал*. Прагматизация комплекса *бэшэ гү* и усиление его просодической цельности нашли отражение в орфографии: появились его слитные графические варианты — *бшуу* и *шуу*.

Частицы личного притяжания -м(ни), -мнай, -шни, -тнай, -нь, присоединяясь к причастию буд. вр., выступающему в роли предиката, во-первых, ограничивают горизонт временной отнесенности ситуации до ближайшего будущего и, во-вторых, выражают дополнительные модальные значения: намерение, необходимость или неизбежность совершения чего-л., приглашение к совместному действию, указание на предстоящее действие адресата с оттенком побуждения, уверенное предположение о предстоящем событии. Возникновение этих значений, по-видимому, обусловлено тем, что при присоединении посессивных частиц действие, обозначенное в причастии на *-ха³*, осмысливается не просто как будущее событие, а как «принадлежащее» определенному субъекту предстоящее положение дел, а это дает основу для его категоризации и оценки.

Те обстоятельства, что функциональный потенциал рассмотренных единиц шире, чем предписывает им традиционная характеристика, и что их модальные значения формируются во взаимодействии с семантикой других частиц, должны быть учтены при составлении новой типологии частиц в бурятском языке и в монгольских языках в целом. Необходимость же в разработке такой типологии есть, поскольку, несмотря на наличие разных классификаций частиц в бурятском, монгольском, калмыцком языках, ни одна из них не является общепринятой и не учитывает комбинации частиц и их периферийные значения. Думается, что разработка типологии частиц, которая имеет более гибкие границы и оперирует не только отдельными единицами, но и целыми комплексами, позволит лучше понимать устройство разнородного класса частиц и их роль в

монгольских языках.

Благодарность

Автор благодарит научного руководителя, д. ф. н. Н. Б. Даржаеву, за ценные рекомендации при подготовке статьи, а также выражает признательность О. Ц. Тамжитовой, учителю бурятского языка ГБОУ «Лицей-интернат № 61» г. Улан-Удэ, за помощь в анализе отдельных языковых примеров.

Расшифровка глосс

1 — 1-е лицо, 2 — 2-е лицо, IMP — императив, MP — модальная частица, PRES — настоящее время, QUOT — квататив, SG — единственное число.

Статья публикуется в одобренном рецензентами варианте (после получения положительной рецензии, рекомендующей рукопись к публикации) с исправлениями автора (внесенными им после получения замечаний редактора, если такие были). Рецензия опубликована в открытом доступе непосредственно за текстом самой статьи. Все варианты авторских исправлений хранятся в депозитарии издательства и могут быть доступны по требованию уполномоченных организаций.

[Прочитать рецензию на эту статью](#)

Библиография

1. Шевернина З.В. Функционально-семантические значения модальных частиц в монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980. С. 20-31.
2. Shimunek A. The pragmatics of the Khalkha Mongolian modal particle *shüü* and its descriptions in textbooks for English speakers // Journal of The Korean Association for Mongolian Studies. 2005. Vol. 19. P. 53-73.
3. Деликанова Е.В. О двух частицах в бурятском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2018. № 2. С. 216-242. doi:10.30842/alp2306573714209 EDN: YSNMHJ
4. Куканова В.В. Семантика модальной частицы *биз* в калмыцком языке (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и данным информантов) // Монголоведение. 2019. № 19. С. 949-966. doi:10.22162/2500-1523-2019-4-949-966 EDN: IEKTGS
5. Дамбуева П.П. Категория модальности в современном бурятском языке: дис. ... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2001. EDN: VNIROL
6. Пюрбеев Г.Ц. Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 25-30. EDN: IMGCKH
7. Русская грамматика. Т. 1 / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
8. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Г.Д. Санжеев. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962.
9. Street J. C. The interrogative particle in early Middle Mongolian // Mongolian Studies. 2008. Vol. 30. P. 43-82.
10. Brosig B. Negation in Mongolic // Journal de la Société Finno-Ougrienn. 2015. № 95. P. 67-136. doi:10.33340/susa.82643
11. Yamakoshi Ya. Sentence-final possessive markers in Shinekhen Buryat // 13th Seoul International Altaistic Conference, July 13–16, 2017. P. 33-52.
12. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. В 2-х т.

Т. 1 (а), А – Н; Т. 2 (б), О – Я. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010.

13. Сундуева Е.В., Бальжинимаева Ц.Ц., Бабуев С.Д. и др. Буряад хэлэнэй тайлбари толи = Толковый словарь бурятского языка. В 4-х т. Т. I (а), А – Д; Т. III (б), С – Ф. Улан-Батор: Нандир, 2022–2024.

14. Падучева Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014.

15. Словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К – О.

16. Цэдэндамба Ц. Монгольское причастие на-х с некоторыми частицами // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971. С. 224-233.

17. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении: Простое предложение. М.: Наука, 1964.

18. Будаева Г.Д. Частицы в бурятском языке: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1999.

19. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.

20. Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык: Учебник для высших учебных заведений. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958.

21. Добрушина Н.Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28-65. EDN: HUIDKB

22. Панов В.А. Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4 (23). С. 101-128. EDN: XWVRGP

23. Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954.

24. Algeo J. The Tag Question in British English: It's Different, I'n'it? // English World-Wide. 1988. Vol. 9, № 2. P. 171-191. doi:10.1075/eww.9.2.03alg

25. Kimps D. Tag Questions in Conversation: A Typology of Their Interactional and Stance Meanings. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2018. doi:10.1075/scl.83

26. Skribnik E. Buryat // The Mongolic languages / J. Janhunen (ed.). London, New York: Routledge, 2003. P. 102-128.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья, предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», посвящена изучению «немодальных частиц» в бурятском языке, под которыми подразумеваются отрицательные үгы / -гүй и бэшэ, вопросительные гү, лично-притяжательные частицы м(ни), -мнай, -шни, -тнай, -нь. Исследование дополняет имеющуюся научную литературу по данному вопросу выводами о модальных функциях частиц в бурятском языке и позволяет углубить представления о средствах выражения модальности. Тема соответствует профилю журнала и заявленной научной специальности.

Представленный в работе материал четко структурирован, части взаимосвязаны, положения, освещенные при анализе материала, получают обобщение в заключительной части статьи. Содержание рукописи соответствует названию.

Выводы исследования значимы для бурятского языкознания, дополняют существующие описания выражения модальности в бурятском языке, делаются выводы о причинах появления той или иной модальности, в частности на основе материалов Корпуса

бурятского языка и Параллельного бурятско-русского корпуса резюмируется, что «сочетаемость усилительной үгы с императивами на -(г)ыш / -(г)ыт можно объяснить их особой экспрессивностью, которая в сочетании с үгы проявляется еще больше».

В исследовании прослеживаются пути переосмысления значений частиц. Автор приходит к выводу, что "вопросительная частица гү в составе комплексов гү даа и аа гү переосмысливается в утвердительных высказываниях как маркер эпистемической оценки, маркируя предположение, сомнение, неуверенную констатацию», «отрицательная частица үгы / -гүй способна выступать как усилительная частица, придающая эмоциональную окрашенность побудительным и вопросительным высказываниям», «частица контрастивного отрицания бэшэ демонстрирует значение деонтической невозможности или недопустимости, онтологическую невозможность», что развивается на основе того, что «бэшэ отрицает у субъекта наличие признака по действию, выраженному в причастии, и это переосмысливается как отрицание его способности и возможности совершить это действие», «частицы личного притяжания -м(ни), -мнай, -шни, -тнай, -нь, присоединяясь к причастию будущего времени, выражают дополнительные модальные значения: намерение, необходимость или неизбежность совершения чего-л., приглашение к совместному действию, указание на предстоящее действие адресата с оттенком побуждения, уверенное предположение о предстоящем событии».

Автор указывает также перспективные направления анализа, которые видятся в сопоставительном изучении бурятских частиц с аналогами в монгольских и английском языках, а также в составлении новой типологии частиц в бурятском языке и в монгольских языках в целом.

Статья написана грамотным языком, с соблюдением норм научного стиля. Библиография содержит источники и исследования, достаточные для доказательства выдвинутой гипотезы.

Статья вполне самостоятельна, выводы будут интересны читательской аудитории, поэтому может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».